

СПЕКТАКЛЬ
ПРЕДВКУШЕНИЕ

Во МХАТе грядет премьера булгаковской «Кабалы святош»

ТАК ХОТЕЛ ОЛЕГ ЕФРЕМОВ

Этот спектакль ждут с повышенным вниманием. И потому, что актерский состав, что называется, коллекционный: Олег Табаков, Наталья Гундарева, Андрей Смоляков, Андрей Ильин. И потому, что тандем Олега Табакова и Адольфа Шапиро, тридцать лет возглавлявшего популярный Молодежный театр в Риге, оказался суперудачным: шапировские спектакли в «Табакерке» — «Последние» и «На дне» — одни из лучших и в этом театре, и в Москве. И потому, что поставить новую версию «Кабалы» режиссера просил незадолго до смерти Олег Ефремов, который в свое время играл Мольера.

Театр — конкретное дело, сегодня мы решаем эту сцену

Ольга ФУКС

— Адольф Яковлевич, почему Олегу Ефремову было так важно, чтобы вы снова поставили «Кабалу святош»?

— Премьера «Кабалы» состоялась в 87-м году, и как-то так получилось, что спектакль полюбили и актеры, и билетеры, что важно — после снятия спектакля билетеры забросали нас вопросами от публики: когда же его возобновят? Но умер Смоктуновский, игравший Людовика, а со временем и Олегу Николаевичу уже было тяжело играть, и он попросил меня ввести Табакова (и одновременно Табакова — вестись на эту роль). Никакими высокими материями Ефремов это не объяснял, просто хотел, чтобы шел этот спектакль, потому что того же хотела публика. Ефремову же, с его высоким чувством ответственности, было неловко, что спектакль не идет из-за него. Периодически начинал меня деловито спрашивать, какого числа я приступаю к репетициям. Об этом был и наш последний разговор — за бутылкой красного вина, которое Олег Николаевич заказал, потому что «радиация в городе большая»...

Но я понимал, что в рисунок Ефремова вводить Табакова не стоит, и увидивал от ответа — отказать ему напрямую было невозможно. Предложил было ему обогреть какие-то мизансцены и продолжить играть самому. У него на мгновение загорелись глаза, но только на мгновение. Играть он уже не мог.

— Простите, а почему в рисунок Ефремова вводить кого-то нельзя, а в рисунок Смоктуновского можно?

— Я тогда был в Америке, и театр без меня сделал этот ввод, на который я вряд ли бы согласился.

Но дело было даже не только в индивидуальностях Ефремова и Смоктуновского — изменилось само время, мой взгляд на пьесу, да и сама эстетика прежней «Кабалы» казалась устаревшей. Тот спектакль создавался в перестроечной эйфории, когда мы вступили в период этакого социального неоромантизма. И в этом легкомысленном состоянии мы поневоле ослабили драматизм пьесы.

Тогда существовала проблема — как и зачем играть тирана Людовика, когда вот-вот построят демократическое общество, в котором разговор об абсолютной власти вроде бы неуместен. С тех пор сменилось два президента, а мы вновь вернулись в рабочее состояние. Стало ясно, что в любом обществе власть и искусство находятся в непримиримом противоречии просто по своей природе.

Цель любой власти — создание

Цензура 30-х годов вымарала из булгаковской пьесы только одну фразу — про судьбу: мол, что это за идеализм в материалистическом обществе?

границ, иначе власть оказывается размытой, а искусство безбрежно по сути. История взаимоотношений Мольера и власти и история личной жизни Мольера должны быть связаны одной темой — темой художника, бросившего вызов времени и реальному течению обстоятельств.

Цензура 30-х годов (надо отдать должное ее пронизательности) вымарала из булгаковской пьесы только одну фразу. Когда Лагранж задумывается о том, что

явилось причиной смерти Мольера — немилость короля, черная Кабала? — он находит ответ: «Причиной этого явилась судьба». Цензура не вычеркнула ни фразу про короля, ни фразу про Кабалу, а про судьбу вымарала: мол, что это за идеализм в материалистическом обществе! А для Булгакова важно было сказать именно о предначертанности, о судьбе — не в биографическом смысле, а в том смысле, какой имел в виду Александр Блок, введя в русский язык слово «судьбоносный»...

— Выбор актеров оставался за вами?

— Разумеется. Если не видишь актера в данной роли, работать невозможно. По крайней мере на ключевых ролях. Если режиссер не видит актера в роли Гамлета, то и нечего ставить «Гамлета» (если не видит Озрика, то тут в крайнем случае можно попробовать других или как-то скорректировать замысел роли). Я посмотрел почти весь репертуар МХАТа. Что-то предлагал Табаков (в частности, это он предложил пригласить Наталью Гундареву, я же просто не видел во МХАТе новой актрисы на эту роль). Полтора месяца мы обсуждали актерский состав. Пригласили в «Кабалу» Андрея Смолякова из «Табакерки» и Андрея Ильина, который уже перешел во МХАТ из Театра им. Моссовета.

— Как вы оцениваете состояние МХАТа на сегодняшний день?

— Скажу, что Олегу Павловичу предстоит большая работа...

— Считается, что Булгаков — из числа авторов, которые могут мистическим образом повлиять на тех, кто взялся их ставить.

— Понимаю-понимаю. Андрей Ильин приехал на первую репетицию в растрепанных чувствах — десять лет, говорит, в аварию не попадал, а тут столкнулся с другой машиной. Это как себя настроить. Можно так, что любая неприятная и неизбежная мелочь — декорацию не так поставили, гардеробщица косо посмотрела,

актера радикулит схватил, кот пробежал по театральному коридору — будет казаться знаком свыше: ага, Булгаков! У Кары положили фильм на полку — Булгаков. А то, что в этот момент еще другие фильмы попали на полку, — нормально. Театр слишком конкретное дело — сегодня надо решить эту сцену, завтра придумать, как выстроить роль тому актеру, — чтобы отвлекаться на мистику.

— Можно ли сказать, что в прошлой вашей версии были такие удачные находки, что вы перенесете их в новый спектакль?

— Не думал об этом! Новый спектакль создается с другим художником (Юрий Хариков), другим композитором (Эдуард Артемьев). Актерский состав полностью меняется. Эта «Кабала» создается в полемике с той. Иногда мы с Табаковым, который в прошлой версии играл Бутона, останавливаемся и переосмысливаемся — ой, сколько же мы всего не заметили! Создание спектакля настолько связано с твоим сегодняшним состоянием, кругом мыслей и чувств, с которыми живем сейчас, что повторить, в принципе, ничего невозможно, иначе я бы просто оцепенел. Мне как-то Эфрос сказал: а интересно было бы ставить всю жизнь две-три пьесы. Я тогда по дуру и по молодости его не понял. А теперь понимаю, какая это радость — диалог с собой вчерашним (и мука).

Евгения ЦЕЛКОВА

2 марта 2001г.

Шапиро Адольф